

УДК 27-475

**РИТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА ПРОТОИЕРЕЯ
АРТЕМИЯ ВЛАДИМИРОВА «О ВЗАИМНОМ ТЕРПЕНИИ
И ЛЮБВИ (ИЗ ВЕЧЕРНИХ БЕСЕД С ПРИХОЖАНАМИ)»**

Бурмакина Н.А., Конради Р.С.

В статье выявляются содержательные и стилистические аспекты текста, воссозданного по материалам вечерних бесед с прихожанами на примере поучения отца Артемия Владимирова. Определены стилистические черты беседы духовника.

Ключевые слова: риторика, лингвистический анализ текста, филологический анализ текста, стилистика.

**THE RHETORICAL ANALYSIS OF THE TEXT BY ARCHPRIEST
ARTEMY VLADIMIROV “RECIPROCAL OF PATIENCE AND LOVE
(OUT OF EVENING TALKS WITH PARISHIONERS)”**

Burmakina N.A., Conrady R.S.

The article reveals the detection of substantial and formal aspects of evening talks based on the interlocutions of the preacher Father Artemy Vladimirov. Stylistic features of the conversation-preaching (sermons) of the father-confessor are defined.

Keywords: rhetoric, linguistic analysis of text, philological analysis of the text, the style.

Источником проведения настоящего риторического анализа послужил текст старшего священника и духовника Алексеевской обители протоиерея Артемия Владимирова, педагога, члена Союза писателей России.

Объектом поучения, которое призвано «воздействовать на поступки, жизненное поведение адресата» [6, с. 497] является современное состояние человеческой души, восприятие человеком окружающей действительности: *«Нам выпало жить в удивительное время духовной свободы христианского вероисповедания, свободы от преследований за христианские убеждения...*

Вместе с тем, нам приходится вести речь о непонятной скудости ощущений, чувств, мыслей, характерных для современного верующего человека, носящего зачастую в душе только горечь, горечь непонимания и осуждения окружающих людей».

Предметом текста является разъяснение прихожанам смысла понятия «жизнь во Христе»: *«христианское благочестие заключается не в том только, чтобы ходить в храм, исполнять правила, соблюдать посты, посещать святые места, читать Евангелие, но в том, чтобы жить в Боге. Жить кем-то – это значит постоянно находиться в присутствии этого лица, общаться, видеть, слышать его. Жить в ком-то – значит иметь такое тесное единство и соприкосновение, что мысли, желания, чувства этой личности становятся отчасти и твоими. Во всяком случае, ты их уже понимаешь, знаешь и разделяешь. Христианская жизнь посему не сводится к сумме благочестивых действий и навыков...»* [1].

Тематическая направленность текста определяется призывом к слушателям жить «по-Божьи, без лишних слов», призыв к смирению и любви. Целенаправленность текста формируется благодаря мысли о временном пребывании человека на земле, что должно привести к раздумьям о жизни вечной, о жизни души: *«между тем, мы находимся в этой многобедственной земной жизни для исправления... Часто от внимания людей укрывается, что наше странствование по земной жизни prepares нас к восхождению по мытарствам... К сожалению, многие из нас вовсе не приводят себе на память ближайшей перспективы исхода из земной жизни, и поэтому наша временная командировка представляется как бы не имеющей конца...»* [1].

Речь принадлежит к церковно-богословскому роду красноречия, видом настоящего текста является беседа с прихожанами. В речи реализованы такие функции текста, как информационная – сообщить о сегодняшнем состоянии духа большинства людей (как верующих, так и не верующих; как воцерковлённых, так и невоцерковлённых) и неприемлемости такого состояния для психического и нравственного здоровья человека, и воздействующая –

убедить читателя (слушателя) в необходимости возделывания своей духовной культуры и формирования нравственного здоровья, а также призвать слушателей (читателей) к смирению, к покаянию, к истинной вере, любви к ближнему, то есть – к серьёзной работе над собой. Доминирует воздействующая функция, реализованная в структуре текста, в отборе и организации речевого материала (констатация современного состояния души верующего человека: *«скудность ощущений, чувств, мыслей»* [1]; использование обращения, призыва к изменению ситуации: *«Сам живи по-Божии...»* [1].

Функционально-смысловым типом текста можно признать рассуждение с элементами описания и повествования. Цель его использования состоит в том, что этот тип позволяет исследовать явления, раскрывая их внутреннее содержание и доказывая определённые положения. Рассуждение помогает выстроить причинно-следственные связи. Оно уместно тогда, когда нужно вовлечь в процесс мышления присутствующих, привлечь внимание, убедить, что и наблюдаем мы в данной речи: *«А как подготовиться ко дню исхода? Какую нужно пройти школу, чтобы, встретившись с демонической злобой, не потерять почвы под ногами? Как избежать этих загробных искушений? Необходимы, наверное, какие-то предваряющие испытания, закалка, лишения. Нас же только потесни, прижми, как начнётся писк на весь квартал, по всем инстанциям полетят письма, требования о восстановлении справедливости, удовлетворении законных "попранных" прав...»* [1]. В настоящем контексте используется свойственная рассуждению вопросно-ответная форма, осложнённая юмористическим пассажем.

Описание и повествование сопрягаются в структуре текста о. Артемия Владимирова: дается представление о свойствах, характерных чертах, качествах объекта путем перечисления его признаков в настоящий момент – помогает расставить смысловые акценты, представить их в повествовательной динамике: *«У святых людей всё было не так. Когда один из братьев священномучеников Рященцевых (епископы Варлаам и Герман) попал в зону, он*

понял, что здесь взята установка на истребление людей и выжить никому не удастся. В тяжёлых испытаниях исповедник веры утешал себя тем, что мытарства будет легче проходить, если земное ощерившееся против нас бытие воспринимать как горькое лекарство, принятие которого спасительно...» [1].

По форме текст представляет избранное «из вечерних бесед с прихожанами» [1]. По одной из концепций функциональных стилей, это текст можно отнести к публицистическому, так как он предназначен для массового читателя и направлен не только на логическое, но и на эмоциональное восприятие [3, с. 425]. Для стиля характерны образность, эмоциональность наряду с логичностью. Он сочетает в себе черты аналитического (статья) и художественно-публицистического (очерк) жанров [3, с. 425]. Это письменная форма в жанре статьи, основанная на устных проявлениях жанра беседы. Однако, согласно другой концепции функциональных стилей современного русского литературного языка, текст явно относится к церковно-религиозному / религиозно-проповедническому (по Л.П. Крысину [4, с. 550]) / религиозно-богословскому (по И.Б. Голуб [3, с. 442]) стилю. Действительно, по силе своего воздействия текст близок к публицистике [4, с. 550-551], но экспрессивно окрашенные лексические и синтаксические средства выражают духовную проблематику, они принадлежат высокому стилю и лишены оттенка архаичности [3], так как выступают как специальные: *Престолу Божию; душа, совлечённая тела; свет Божий; от благодати Божией; очи сердечные.*

Средства выражения стилистической принадлежности: логичность, эмоциональность, оценочность, призывность. Автором используется, помимо нейтральной, высокая, торжественная лексика: «*многое познать*» (межстилевое «узнать»), «*сияющие ризы*», «*не желает приуготовить*» (межстилевое «приготовить»), «*благодатные дары*», «*внутреннее устройство*» (межстилевое «устройство»); эмоционально окрашенные слова, например, «*демоническая злоба*»; риторические вопросы: «*Как Господь смотрит на каждого из нас?*», «*Как сделать так, чтобы сердце потеплело, умягчилось?*» [1]; восклицания: «*А*

как бы хотелось иначе настроить свой сердечный камертон, чтобы он издавал звук чистый, ясный, чуждый дребезжания и брюзжания!», «*Но предмет действительно стоящий любви – это, конечно, человек!»* [1]; разговорные: «*...коль на плечах голова, а не кочан капусты...*» [1]; устойчивые обороты: «*жизнь кажется ему чёрной полосой*», «*проходить огонь, и воду, и медные трубы*», «*не попускает ему впадать “во все тяжкие”*» [1] и др.

Предполагаемый адресат заявлен в самом названии текста: это, во-первых, прихожане протоиерея Артемия Владимирова (как действующего священника) – в узком смысле; и, во-вторых – широкий круг читателей.

Текст ориентирован на вызов эмоционального отклика у читателя (слушателя). Данная речь обладает таким качеством, как *общедоступность*: она рассчитана на широкую аудиторию и должна быть понятна всем ввиду высокой нравственной значимости обсуждаемой проблемы.

В композиции текста можно выделить вступление, основную часть и заключение. Во вступлении автором констатируются две мысли: первая – о том, что «*нам выпало жить в удивительное время духовной свободы христианского вероисповедания, свободы от преследований за христианские убеждения. И за это надо уметь быть благодарным Богу и по-настоящему ценить этот дар...*» [1] и вторая – «*о непонятной скудости ощущений, чувств, мыслей, характерных для современного верующего человека*» [1]. Далее, в основной части, всё рассуждение концентрируется вокруг этих начальных утверждений. Автор приводит примеры, доказывающие эти утверждения, и предлагает читателю (слушателю) пути выхода из ситуации, объясняет истинное положение вещей, указывает, как нужно воспринимать те или иные жизненные явления. В заключении автором приводятся слова другого служителя Церкви – монаха Силуана Афонского, которыми он резюмирует сказанное, подводит итог, открывает перед своими прихожанами (и читателями) радужную перспективу того, что будет, если они переосмыслят своё мировосприятие: «*И едва лишь такая душа встанет на молитву, как Господь приходит к ней и покрывает Своею благодатью. Помолившись, такой*

человек смотрит раскрытыми глазами на окружающих людей и ещё больше убеждается в том, что избрал правильный путь общения с людьми – в милости и любви» [1]. И в самом конце задаёт вопрос, на который каждый из читателей уже должен ответить сам: *«Почему бы и нам, православным христианам, не постараться приобрести такое расположение?..»*

Начало и конец произведения создают как бы единое целое, то есть приходят к гармонии: *«нам выпало жить в удивительное время духовной свободы»* (в начале) и свободный духовно человек (в конце): *«Господь за доброжелательный взор и умение видеть светлую сторону действительности открывает нам всё хорошее, и человек начинает радоваться жизни, переживать её как дар Божий и становится подобным ребёнку, у которого жизненные впечатления насыщенные, глубокие и радостные»* [1].

В качестве тезиса в речи рассматривается утверждение, высказанное в начале: *«о непонятной скудости ощущений, чувств, мыслей, характерных для современного верующего человека, носящего зачастую в душе только горечь, горечь непонимания и осуждения окружающих людей»* [1]. Аргументами являются те примеры, которыми автор доказывает как справедливость самого тезиса, так и пути преодоления ситуации, о которой говорится в этом тезисе: *«Мы же, пока жизнь не сказала ещё своего последнего слова, живём по-барски. Уж, кажется, грех жаловаться. А между тем, счастливых людей, довольных жизнью, примирённых с обстоятельствами, что-то мало обретается. На словах мы все оптимисты, но из общения друг с другом можно увидеть, что искомое почти никем не найдено. Очень уж мы строги и категоричны в суждениях, даже резки...»*; *«К сожалению, многие из нас вовсе не приводят себе на память ближайшей перспективы исхода из земной жизни, и поэтому наша временная командировка представляется как бы не имеющей конца. Только под знаком вечности, в проекции к вечной жизни, становится понятным, почему праведники, люди доброй нравственности зачастую подвергаются тяжелейшим и продолжительным испытаниям, а добро и правда не всегда торжествуют победу на земле...»* [1] и т.п. На наш взгляд,

требования, предъявляемые к тезису и аргументам, соблюдены (так как тезисом может быть любое высказывание, истинность или ложность которого требуется обосновывать посредством обращения к другим высказываниям; тезис ясно сформулирован и не меняется в ходе аргументации). Индуктивная демонстрация — логический переход от аргументов, несущих информацию об отдельных случаях, к тезису — обобщающему положению. Аргументы здесь являются фактические данные (ситуации из истории или из повседневной жизни, реальная реакция людей на события и т.п.):

«Встречая вместо радостей “гадости”, думаешь, что всё это по отношению к тебе несправедливо»;

«У святых людей всё было не так. Когда один из братьев священномучеников Рященцевых (епископы Варлаам и Герман) попал в зону, он понял, что здесь взята установка на истребление людей и выжить никому не удастся. В тяжёлых испытаниях исповедник веры утешал себя тем, что мытарства будет легче проходить, если земное ощерившееся против нас бытие воспринимать как горькое лекарство, принятие которого спасительно...»;

«Так смотрели на ближних духовные люди. Приводили к подвижнику какого-нибудь юношу, и духовными очами аскет видел богатство Промысла над этим человеком. Видел в нём избранника Божия, будущего светильника веры» [1] и т.п. Индуктивное обоснование имеет высокий уровень убеждения.

Кроме того, автор апеллирует к публике в форме восклицания («*В таком сравнении многое можно познать!*») и др.) и риторических вопросов («*А как Спаситель смотрит на Свои создания, ради которых Он пришёл в мир? Как Господь смотрит на каждого из нас?*», «*А как подготовиться ко дню исхода?*») и др.), которые вызывают у слушателей ответную реакцию, находят отклик. Апелляция к публике является сильным эмоциональным аргументом публичного выступления.

Выбор лексических средств, прежде всего, обуславливается темой текста: *Господь, Бог, откровение, любовь, Спаситель, благодать* и т.п. Кроме того,

выбор лексики обусловлен принадлежностью текста к церковно-религиозному стилю: употребление книжных слов, вопросно-ответного изложения.

Преобладающими являются местоимения: *мы, он, ты, нас*; притяжательные: *наш*; встречаются относительные местоимения (*что, какой, который, каковы*); определительные (*каждый, сам*), отрицательные (*никого, нечего*), указательные (*это, тот, такой*), вопросительные местоимения (*что, кто, каковы*), неопределённые (*кто-то, что-то*); возвратные местоимения *себя*, неопределённое местоимение *иной*.

В тексте православного священника искусно используются малые формы устного народного творчества. В сложном предложении с придаточным условия автор выражает уверенность на качественные изменения в человеке, вводя в контекст своей речи усечённую русскую пословицу «горбатого исправит могила, а упрямого дубина», сохранив её семантику (укоренившиеся привычки, недостатки, пороки или странности человека невозможно (или очень трудно) исправить): «*Если только ты не тот горбатый, которого и могила не исправляет...*» [1]. Священник прибегает к точному цитированию и семантическому воплощению русских пословиц: «*Коль на плечах голова, а не кочан капусты*» [1], (содержит указание на глупость человека), «*Проходит огонь, и воду, и медные трубы*» [1] (о тех, кто испытал много жизненных трудностей).

Идиостилевой особенностью текста являются простые и развёрнутые сравнения, которые пронизывают всю ткань текста. Они могут быть осложнены вопросно-ответной формой выражения или анафорической:

А. *Человек боголюбивый в тайне от окружающего мира живёт Богом и в Боге. Как это понять? Например, говорят: «Я живу с Иван Ивановичем уже пятнадцать лет под одной крышей». Это значит, что Вы постоянно видите Ивана Ивановича, с ним беседуете, знаете его привычки, вкусы, помогаете ему, а он – Вам. Так и здесь, только в превосходном смысле; Сам живи по-Божьи – и он всё поймёт, без лишних слов. Ты должен в нём видеть светлое*

начало. *Господь же его терпит – Он и усовершит его, восполнив всё недостающее! Так смотрели на ближних духовные люди.* <...> [1].

Б. *Каждый непременно что-то любит здесь, на земле. Кто-то любит маслины во всех видах – чёрные, зелёные, начинённые орешками или без орешков, с косточками или без косточек – чуть не дрожит, когда их видит. Кто-то любит кошек – прямо мордочку кошачью прижимает к себе. Кто-то любит себя – это очень увлекательное занятие! Кто-то любит денежки, а кто-то любит книжки. Кто-то любит говорить и изрекать... Но предмет действительно стоящий любви – это, конечно, человек! Любить людей может только тот, кто устремлён ко Христу Спасителю не в горячем порыве, свойственном новообращённому, а подлинным устремлением, которое является плодом исполнения заповедей Божиих. Быть может, потому редко встречаются подобные примеры, что нынче в людях оскудело боголюбие* [1].

В. *Ведь нужно что-то и прощать, а не так: не понравилась тебе в ближнем какая-то черта – и ты наливаешься тайной злобой, как клещ кровью: «Не переношу таких качеств в людях!»; Утром и днём, на службе и после службы, в полночное время, в сумерках и перед сном нужно быть, как чайка на взморье: волна идёт за волною, а белобокая птица мерно качается на воде, а вместе с тем пребывает в покое* [1].

О. Артемий Владимиров мастерски апеллирует к античной (1) и христианской традиции (2), искусно вводит с известной долей иронии светские размышления лукавого, унывающего человека (3) и слова святых (4), мастеров художественного слова (5):

(1) «Мы – "вершители судеб", похожие на древних античных парок, которые держали в своих руках нити человеческих жизней. Ныне что ни христианин, то "олимпийское божество"» [1] (о богинях судьбы в римской мифологии [5, с. 290]; о богах третьего поколения, обитавших на горе Олимп [5, с. 252]).

(2) «Были избавлены там от всякой "скорби, гнева и нужды"...» (цитата из «Божественной литургии по чину св. Иоанна Златоуста»); «...А мы сошли на

приход с **третьего неба...**» [1] – это высказывание взято из «Второго послания к Коринфянам святого апостола Павла» (2 Кор. 12:2), где оно отражает восточное представление о множественности небес. При этом библейское толкование «не различает материальное и духовное небо, но в видимом небе священными писателями открывается тайна Бога и Его деяний» [2, с. 1824].

(3) *«Утром, чуть проснёмся, выходим на свет Божий, а там – "одни и те же лица"! – «Опять мне с ним общенье предстоит! Он ещё и молится с таким видом – о, Боже! Огорчение... Хотела убежать, да не могу. Какой же труд – сносить общение с эдаким! Ну что ж, ещё немного потерплю, и там, на небесах, пусть будет мне просторно, хорошо и одиноко. Ради этой перспективы я готова с вами здесь еще помучиться. А там – прощайте, мне пора домой!» – «А как же мы?» – «Смотрите сами. Я всё, что нужно было, вам сказала!»* [1].

(4) *«Праведный старец Иероним Эгинский говорит: «Найди в ближнем хотя бы одну добрую черту, качество, которых у тебя нет, и по этой положительной черте цени, люби, восхищайся, радуйся и воспринимай его. На остальное не обращай особенного внимания»; «Преподобный Силуан Афонский говорит, что в таких благожелателей вселяется Дух Святой...»* (упоминание слов монаха Силуана Афонского, Константинопольского Патриархата русского происхождения [Семён Иванович Антонов], служившего на Афоне); *«Когда один из братьев священномучеников Ряшенцевых (епископы Варлаам и Герман) попал в зону...»* [1] (ссылка на труд «Высшее изящество веры», жизнеописание священномученика Германа, епископа Вязниковского: в миру Ряшенцев Николай Степанович).

(5) *«Кто читал произведения А.И. Солженицына, тот помнит, как там об этом рассказано из опыта»* [1] (апелляция к произведениям «Один день Ивана Денисовича» и «Архипелаг ГУЛАГ»).

Протоиерей Артемий Владимиров призывает слушателей (читателей) переосмыслить своё восприятие жизни, призывает открыть свои сердца для любви и радости, перестать осуждать, роптать, жаловаться, но научиться

ценить жизнь и людей. Тема эта очень актуальна сегодня и, несомненно, речь духовника находит отклик у многих: «Умение правильно относиться к людям и светло смотреть на соседа – это большое искусство и признак духовной культуры, а лучше сказать, просвещённости, но не внешней, показной, которая именуется начитанностью и начётничеством. Это драгоценное качество называется человеколюбием» [1].

Список литературы:

1. Владимиров А., прот. О взаимном терпении и любви (из вечерних бесед с прихожанами) [Электронный ресурс] // Алексеевский ставропигиальный женский монастырь [сайт]. 2 февраля 2006. URL: <http://www.hram-ks.ru/terpenie.shtml> (дата обращения: 29.03.2015).

2. Второе послание к Коринфянам святого апостола Павла // Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета: в Синодальном переводе с комментариями и приложениями. М.: Российское Библейское общество, 2010. С. 1823-1824.

3. Голуб И.Б. Религиозно-богословский стиль // Голуб И.Б. Новый справочник по русскому языку и практической стилистике. М.: Эксмо, 2007. С. 442-451.

4. Крысин Л.П. Религиозно-проповеднический стиль // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 550-552.

5. Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / Под ред. С.А. Токарева. М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. Т. 2: К – Я. 719 с.

6. Чабан Т.Ю. Поучение // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 497-498.

Сведения об авторах:

Бурмакина Наталья Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (Красноярск, Россия).

Конради Руслан Сергеевич – студент филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (Красноярск, Россия).

Data about the authors:

Burmakina Natalya Alekseyevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia).

Konrady Ruslan Sergeyeovich – student of Philology Faculty, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia).

E-mail: nata-burmakina@yandex.ru.

E-mail: konrady_cosca@mail.ru.